

Со всей Вселенною знаком...

Народный поэт Якутии

Как однажды сказал кто-то из известных, Семён Данилов, столетие которого ныне отмечается в Якутии, — особый случай. Абсолютный самородок, появившийся на свет в богом забытой глухой деревушке, практически всё раннее творчество его — до учёбы в Литинституте — оказалось спето и поётся по сей день. Якут, стихотворение которого «Мой русский язык» сделало его знаменитым на всю страну:

Я ко всем наукам ключ имею,
Я со всей Вселенною знаком —
Это потому, что я владею
Русским всеохватным языком.

Его и вправду знали, кажется, все. Во всяком случае, все из известных. На русский язык его переводили лучшие переводчики: Вероника Тушнова, Николай Тряпкин, Роберт Рождественский, Ярослав Смеляков... Большая дружба связывала его с Сергеем Михалковым. Лучшие поэты необъятной могучей страны — Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский,

Данилов первым из якутов получил признание на всероссийском уровне, став лауреатом Государственной премии РСФСР имени Максима Горького. Он был председателем правления Союза писателей Якутии с 1961 по 1978 год. В этих скупых строчках биографии — целая жизнь человека и поэта, а мы представим его в нескольких эпизодах.

Когда скинули с престола белого царя

Семён Петрович очень гордился тем, что он ровесник революции. Рассказывал об этом, смакуя разговоры своих неграмотных родителей о рождении первенца.

— Так, так... — пытался припомнить отец, — родился он через десять лет после того, как была страшная засуха. Значит, за год до большой воды. Весна тогда затянулась, и наша беломордая корова пала...

— А что записано в метрике?

— Какая метрика!.. Когда ему было три года, его крестил заезжий поп. Откуда поп взялся, куда исчез — неизвестно...

было в самые лютые рождественские морозы, и замёрз бы пацанёнок, если бы после пятичасовых поисков на шурф не наткнулся отец...

Но судьба хранила мальчугана. На всю жизнь Семён запомнил бригадира — «настоящего человека новой советской власти, который представлял от её имени своим умом, принципиальностью, непримиримостью к бесчестности. У вора, пытавшегося украсть самородок, он надолго отбивал охоту обманывать людей, у норовистого — обижать слабых. Неудивительно, что таких, как бригадир, на Алдане боялись и сторонились даже самые отпетые».

На приисках мальчик познакомился со старым китайцем, явившим образец трудолюбия. Днём тот трудился на карьере, а по ночам «при свете жирника, примостившись на корточках, он подолгу просиживал над иероглифами, колдовал всеми пальцами, ведя учёт по китайскому двустороннему счёту. А уже ложась на свой тюфяк, нараспев, как молитву, перечитывал письма, изредка приходившие из дому». Когда отец Семёна решил покинуть прииск, китаец, еле сдерживая слёзы, поцеловал мальчика и отдал на память самое ценное, что у него было — большие серебряные часы на цепочке...

Чтоб высохшее дерево смогло расцвести

В своих записях Семён Петрович попытался ответить на вопрос, почему он решил стать писателем. И вот вам один из мотивов.

«Когда якут садится на коня, — вспоминал старую поговорку Семён Петрович, — он становится певцом.

Прадеды страстно верили в магию, в могущество произнесённого слова, потому у нас так много легенд о сказителях — тех, что силой своего слова могли "из сылучего песка верёвку свить", заставляли "высохшее дерево расцвести", песней мёртвого воскрешали и спускали гордых небожителей на грешную землю. Сегодня какая-нибудь старая якутка вдруг произнесёт заклятья: благопожелание (алгыс) — и оно запахнет свежим вкусным маслом, а проронит проклятье (кырыыс) — и запахнет оно страшной кровью...

Вот такая была вера в слово».

И дерево расцвело

Однако когда Семён Петрович увлекся якутским фольклором, его публично высекли как поборника старины, национально ограниченного человека, не видящего дальше своего носа.

Несмотря на это, спустя время Семён Петрович осуществил давно витавшую в воздухе идею перевода якутского эпоса олонхо «Нюргун Боотур Стремительный».

Уже в наше время, в новом веке, эпос был переведён с русского на английский и французский языки и получил признание ЮНЕСКО как духовный нематериальный шедевр человечества. А во времена Семёна Данилова задача была непростой.

Вначале за перевод взялись Евгений Евтушенко, Михаил Луконин и Михаил Львов. Но через год они от него отказались, сославшись на сложность текста и невозможность сделать адекватный перевод. За работу согласился взяться известный переводчик эпосов Владимир Державин, но при условии, что ему дадут «хорошего научного консультанта». Державин тогда высоко оценил якутский

эпос, даже счёл его родственным шумерскому эпосу о Гильгамеше.

Олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» был издан отдельной книгой в 1975 году. Написать предисловие Семён Петрович попросил Сергея Михалкова, и тот живо откликнулся.

Семён Данилов провидчески считал перевод олонхо на русский язык огромным достижением, которое будет иметь значение в будущем. Так и случилось. Немного застенчиво он добавлял, что горд своей причастностью к этому делу. И оказался прав.

На первой полосе «Литературки»

Но вернёмся в 1953 год. Стихотворение «Мой русский язык» было ответом тем, кто обвинял поэта в буржуазном национализме.

Дело, как мы теперь понимаем, было нешуточным, но слава богу, на дворе стояла хрущёвская оттепель. Данилов не винился, не оправдывался. Он просто написал, как любит свой красивый и певучий якутский язык и какое счастье творить на нём, зная, что рядом есть верная поддержка — могучий русский язык, открывающий доступ к мировым культурным сокровищницам.

И вместе с подстрочником отправил свой стих в «Литературную газету», главным редактором которой был Константин Симонов. Стихотворение в переводе Михаила Львова пошло в номер на первой полосе.

«Наш Союз — союз свободных наций / С алым стягом братства на древке, / Меж собой привыкший изъясняться / На великом русском языке...».

Стихотворение часто перепечатывалось, его в своём труде о языке цитировал академик В.В. Виноградов, оно вошло в учебники. А Данилов при содействии Симонова был приглашён на учёбу на Высшие литературные курсы в Москву.

«Не знаю, как для кого, — вспоминал поэт, — а для меня эти курсы стали золотой порой творчества. Вот когда я много писал! И насколько серьёзные стали мои взгляды на жизнь и на писательскую задачу — особенно после памятных встреч с Михаилом Шолоховым, Константином Симоновым, Ярославом Смеляковым, Михаилом Исаковским, Александром Прокофьевым, Тихоном Хренниковым, Альберто Моравиа. У меня появилось много новых друзей: Михаил Алексеев, Расул Гамзатов, Мустай Карим, Гафур Гулям, Сарыг-оол, Дмитрий Ковалёв, Давид Кутультинов...».

Человек на железном коне

Много переводил Семёна Данилова ленинградский поэт Илья Фоянков. Вот что он о нём рассказывал:

«В очередной приезд в Якутск Семён Петрович пригласил меня к себе на дачу — в неоднократно воспетый им домик на Сергеевском. Заехал за мной на машине. Я, признаться, удивился, увидев Семёна Петровича за рулём. Он казался мне абсолютным гуманитарием, далёким от всякой техники. Между тем машину он вёл отлично. "Удивляешься? — засмеялся поэт. — А ведь я был одним из первых автолюбителей Якутска. А когда-то и первым велосипедистом. Человек на железном коне — так называли меня!" Он был во многих отношениях первым: и в жизни, и в поэзии».

Но, безусловно, его настоящим и единственным железным конём, а вернее сказать, золотым коньком, стала поэзия, благодаря которой он навсегда вписал своё имя в летопись якутской литературы.

И навсегда в ней остался — первым якутским поэтом, отважно шагнувшим в большое пространство могучей страны.

Елена СТЕПАНОВА

Юрий Кузнецов, Давид Кутультинов, Вадим Дементьев и другие — ехали в суровую далёкую Якутию: в гости, на литературные форумы и за впечатлениями. И увозили оттуда не только охапку ярких эмоций, но и новые произведения — свои и якутских авторов. И открывали новые имена: Наталью Харлампьеву, Николая Лутинова, Владимира Фёдорова... Вместе с ними, своими русскими друзьями, Семён Данилов не только рос сам — в своём краю он поднял творческий процесс на такую высоту, до которой многим и сейчас не дотянуться.

27 сентября республика отмечает день государственности, а в нынешнем году к этому дню приурочат открытие памятника Семёну Данилову — человеку, который формировал крепкое литературное поле региона. Уже сейчас литераторы разных стран — Германии, Англии, Сербии, Азербайджана, а также из Татарстана, Москвы, Санкт-Петербурга — с нетерпением ждут новых встреч с Якутией на посвящённом Семёну Данилову четвёртом по счёту фестивале «Благодать большого снега». В название форума, между прочим, легла строчка из стихотворения поэта:

Я от снега не бегу —
Я родился на снегу.
На меня струилась с неба
Благодать большого снега.

Сопоставив «годы засухи» с годами «небывалого снега», родители сошлись на том, что Семёнчик родился в «тот памятный год, когда белого царя скинули с золотого престола».

И Семён Петрович писал: «С гордостью думаю я о том, что родился вместе с Октябрем, что я ровесник Октября».

А ведь и правда: есть в этом что-то грандиозное...

И даже боялись бандиты...

Этим обстоятельством Семён Петрович гордился ещё и потому, что вышел он из бедноты: отец его был «безлошадный крестьянин» и был обречён на тяжкий труд. Прослышав об открытии алданского золота, отец загорелся податься на прииски. «В этом краю, — вспоминал писатель, оказавшийся на приисках с отцом совсем ребёнком, — обитало предостаточно отребья: воров, картёжников, а то и просто разбойников в чистом виде — вроде страшного Васьки Ньюского или Кузьмина из Олёкмы. Они держали всю округу в вечном страхе, убивали и грабили в открытую, и казалось, не было на них ни суда, ни закона».

Доставалось и шестилетнему мальцу. Как-то раз в пьяной драке картёжники прижали его к железной печурке, малиновой от жара. В другой раз столкнули в трёхметровый выработанный шурф. Дело